

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Над созданием коллекции работали:

**Вересов Сергей,
Гаврилова Мария,
Гапанович Ольга,
Курганова Юлия,
Мишина Вера,
Моисеева Валентина,
Никитин Александр,
Овчаренко Екатерина,
Прокофьева Елена,
Прокофьева Светлана,
Татаринов Виктор,
Урядина Юлия,
Хрусталева Елена**

Следующие книги серии:

Эдвард Радзинский
«Иван Грозный»

•

Аркадий Савеличев
«Столыпин»

•

Эдвард Радзинский
«Сталин»

•

Эдвард Радзинский
«Княжна Тараканова»

•

Владислав Бахревский
«Боярыня Морозова»

•

Федор Абрамов
«Братья и сестры»

МЕМОУАРЫ ФРЕЙЛИНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М49

Перевод, литературная запись и оригинальный текст
Игоря Оболенского.
www.igorobolensky.com

Дизайн обложки (АиФ. Исторический роман) *Анны Якуниной*
Дизайн обложки (Великолепный век) *Дианы Бобешко*

Мемуары фрейлины императрицы. – Москва:
М49 Издательство АСТ, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-17-092642-8 (АиФ. Исторический роман)

ISBN 978-5-17-092643-5 (Великолепный век)

Эта книга – впервые публикуемые мемуары баронессы Мейендорф, фрейлины императрицы Марии Александровны и родственницы Столыпина. Увлекательнейшая, но поистине трагическая история начинается в XIX и заканчивается в середине XX века. Кругом общения баронессы был весь высший свет Российской империи – она танцевала на балах с императором Александром Вторым; дружила с Александром Третьим; присутствовала на последнем выступлении в Думе Николая Второго. Но после 1917 года все стало по-другому...

Продолжаются воспоминания дневниками ее внучки и правнучки. Встречи с Николаем Вторым сменились вызовами на Лубянку...

УУДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Оболенский И.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-092642-8



ISBN 978-5-17-092643-5



Предисловие

Мне всегда представлялась просто фигурой речи фраза «Можешь не писать — не пиши».

В Тбилиси со мной произошел тот самый случай, когда я понял, что это не пустые слова.

Не взяться за эту книгу я не мог.

Работа над ней началась всего год спустя после российско-грузинской войны 2008 года.

Тогда, в августе, всего через две недели после изменившей многое и многих даты 08.08.08, у меня родился сын. Это случилось в роддоме, расположенном всего в нескольких километрах от мест, где падали бомбы.

Но война ощущалась и в Тбилиси, где по вечерам стало принято выключать свет — на случай авиационного налета. И все это, напомним (в том числе и самому себе), происходило совсем недавно.

Прошло три года. Я много времени проводил в Грузии — благословенном краю, ставшем для меня поистине родным, — и за весь этот срок мне ни разу не пришлось испытать на себе не то что ненависти, но даже намек на чувство какого-то недружелюбия.

Мемуары фрейлины императрицы

А когда я приезжал в Москву и рассказывал о том, с какими людьми познакомился в Тбилиси, тоже не чувствовал ничего, кроме искреннего интереса и сопереживания к героям моих грузинских историй.

Вообще, в Тбилиси я влюбился, когда мне было лет двенадцать. Летом я отдыхал в «Артеке» и познакомился с девочкой из Грузии.

Когда смена закончилась, на прощание она подарила мне открытку, на которой были изображены знаменитые тбилисские балконы. Как мне все это нравилось — и сама девочка Тамуна, и ее открытка с балконами. Тогда, наверное, у меня и родилось желание приехать в Грузию.

Моя детская, а потому самая искренняя мечта сбылась через много лет. Я уже работал журналистом. И свою любовь к Грузии, несмотря на то что грузинок мне больше не встречалось, перенес на все грузинское — фильмы, кухню, имена.

Первая столь долгожданная встреча состоялась в 2005 году. Отношения между Россией и Грузией на тот момент уже не были безоблачными. А потому в Москве меня просили быть осторожным во время поездки. Когда в Тбилиси я рассказал об этих предостережениях своих друзей актрисе Софико Чиаурели, к которой, собственно, и приехал в гости, она улыбнулась: «Не надо путать жизнь с фильмом “Кавказская пленница”».

И действительно, та поездка была прекрасной. Стояла нежная тбилисская осень, и я, бродя по улицам этого одного из самых красивых, о чем никогда не устану говорить, городов мира, чувствовал себя абсолютно счастливым.

Конечно же первым делом я отправился на поиски тех балконов, которые пленили меня уже в детстве. Открыт-

ки, увы, не сохранилось. Но картинка, изображенная на ней, так врезалась в мою память, что когда я увидел те самые балконы (они оказались на домах в районе Колхозной площади), то испытал ощущение дежавю.

Но, к сожалению, наряду с радостными эмоциями мне пришлось пережить в тот раз и немало горьких минут.

Как-то я пришел в дом Софико. Она, как всегда, накрыла на стол. Едва мы приступили к обеду, как в прямом эфире телевизионных новостей начался репортаж из Беслана, где террористы захватили школу.

Это было, конечно, очень страшно, там было много жертв.

На следующий день на улице ко мне подходили незнакомые люди и выражали свое сочувствие по поводу этой трагедии.

И тогда я понял, что, что бы ни происходило, что бы ни говорили о взаимоотношениях России и Грузии, эти человеческие отношения — доброжелательные, искренние, теплые — все равно останутся. В тот момент я очень ярко осознал это для себя.

Улетать из Тбилиси было грустно. Тогда я еще не знал, что пройдет время и я приеду в Грузию уже как к себе домой.

Бодлер, кажется, сказал, что женщина — это приглашение к счастью. Первой женщиной, пригласившей меня в Тбилиси, стала Софико Чиаурели. А второй — тоже Софико, моя жена.

И вот я, всегда считавший себя москвичом, с гордостью могу назвать себя наполовину тбилисцем.

Странное ощущение: с одной стороны, я уже не чувствую себя здесь в гостях, для меня Грузия стала домом. Не вторым, как это принято говорить. А таким же родным и близким, как и Россия.

Мемуары фрейлины императрицы

А с другой — каждый раз я буквально физически ощущаю азарт первооткрывателя, оказавшегося в новом месте, но среди друзей.

И в этом я не одинок. Нет, наверное, ни одного нормального русского, в чьей душе одно слово «Грузия» не вызывало бы приятного трепета.

Начавший свою певческую карьеру на сцене тифлисской Оперы Федор Шаляпин как-то сказал: «Для жизни я родился в Казани, а для творчества — в Тифлисе».

Под его словами мог бы подписаться и Максим Горький, чей первый рассказ был написан именно в Грузии.

И великий режиссер Всеволод Мейерхольд, чьи постановки шли на сцене театра имени Грибоедова.

Да и сам Грибоедов обожал эти края: именно в Тифлисе он писал «Горе от ума», а потом всерьез задумывался о том, чтобы навсегда поселиться в Грузии.

Список почитателей этой великой страны можно продолжать долго. В нем окажутся и Петр Чайковский, игравший в Тифлисе на скрипке; и Борис Пастернак, обретший здесь не только фактически вторую семью, но и укрытие во время пресловутого гонения из-за присуждения ему Нобелевской премии; и десятки других великих художников. И Грузия неизменно платила всем им взаимностью.

Я в Грузии тоже обрел семью. И не только.

Удивительные встречи, на которые оказалась столь щедра грузинская земля, подарили мне идею написать эту книгу.

Все началось с моего изучения грузинского языка. Уроки грузинского неожиданно стали для меня той школой жизни, прослушав курс которой я, кажется, стал другим человеком.

Взявшись за перевод на русский произведений поэта Галактиона Табидзе, я захотел перевести знаменитое стихотворение «Мери», которое в свое время перевела великая Белла Ахмадулина.

Я заинтересовался — о какой Мери писал поэт?

Мне рассказали, что речь идет о фрейлине последней российской императрицы Александры Федоровны, в эмиграции ставшей одной из любимых моделей Коко Шанель.

И дали телефон женщины, которая лично знала героиню стихотворения Табидзе.

Я набрал записанный номер и тут же получил приглашение в гости. Дело-то происходит в Грузии, как иначе.

И тут же столкнулся с еще одной грузинской традицией: почти у всех здесь два имени — официальное, данное при рождении, и второе, которое, собственно, и сопровождает человека всю жизнь.

Мою новую знакомую все звали Татули, хотя по паспорту она — Тамара. Ее мать, историю которой Татули поведала мне, называли Бабо, в то время как ее полное имя — Варвара.

Встреча с Татули Гвиниашвили стала одним из самых щедрых подарков, которые мне преподнесла Грузия.

Дочь княжны Бабо Дадиани прожила непростую, но очень яркую жизнь. И знала не только героиню стихотворения Табидзе.

Судьба Татули и ее семьи — это готовый сценарий для многосерийного фильма. Или достойная альтернатива учебнику по истории Российской империи, эмиграции и карательной машины, именовавшейся советской властью.

Рассказывая биографию своей семьи, Татули то и дело доставала хранящиеся в ее домашнем архиве фото,

Мемуары фрейлины императрицы

на которых были изображены бароны-баронессы и князья-княгини, о которых она говорила.

Оказалось, что все фотографии сумела собрать мать Татули — княжна Бабо Дадвани.

«Несмотря на четыре ссылки, которые ей пришлось пережить», — заметила моя собеседница.

Попросив с этого места рассказать поподробнее, я услышал воспоминания, не записать которые просто не мог.

Поначалу даже была идея написать роман. Но я, кажется, вовремя понял, что в художественном изложении история этой семьи будет выглядеть совсем уж невероятно. Тогда как все то, что вы сейчас прочтете, — абсолютная правда.

Я назвал эту книгу «Тифлисская сага», ибо всех действующих лиц объединил именно этот город: кто-то здесь родился, кто-то жил, а кому-то ради возвращения сюда пришлось заплатить очень высокую цену...

Начну по порядку, с прабабушки Татули — баронессы Мейендорф, урожденной княжны Шарвашидзе.

Часть первая
Мемуары баронессы

До замужества за бароном Мейендорфом княгиня Варвара (Бабо) Шарвашидзе была фрейлиной императрицы Марии Александровны и компаньонкой принцессы Евгении Ольденбургской, внучки императора Николая Первого и правнучки Жозефины Богарне, жены Наполеона.

О том, что она успела оставить мемуары, я узнал совершенно случайно.

Работа над книгой о судьбе знаменитой тифлисской красавицы княжны Бабо Дадиани уже подходила к концу.

Мы разбирали домашний архив Дадиани, когда ее дочь Татули обратила мое внимание на стопку пожелтевших от времени листов бумаги, собранных под красной клеенчатой обложкой.

«Баронесса Мейендорф, бабушка моей мамы, в честь которую ее и назвали Бабо, в конце жизни написала мемуары, — сказала Татули. — После смерти баронессы бумаги из Лондона перевезли в Париж, где жила моя тетка. А когда не стало и ее, я привезла рукопись в Тбилиси. Взгляните, может, вам будет интересно?»

Я взял уже чуть обветшавший то ли от времени, то ли от долгого путешествия фолиант из сотни с лишним

Мемуары фрейлины императрицы

отпечатанных на машинке листов, раскрыл наугад и попал akurat на описание сцены бала, на котором автор мемуаров танцевала с императором Александром Вторым.

С позволения и благословения Татули Гвиниашвили, правнучки Бабо Мейендорф, я взялся за перевод воспоминаний на русский язык.

И понял, что стал обладателем настоящего клада: со страниц мемуаров передо мной представала История.

Варвара, или Бабо, как ее называли, Шарвашидзе родилась 22 июля 1859 года в Лихнах в семье последнего владетельного князя Абхазии светлейшего князя Михаила Шарвашидзе.

Первое ее замужество оказалось неудачным. После развода Бабо из Кутаиси отправилась в Петербург. Была зима, и в один из дней друзья пригласили девушку на каток. Там ее внимание привлек статный молодой человек, искусно держащийся на коньках. Сама Бабо каталась не очень хорошо, и потому помощь незнакомца оказалась весьма кстати. Состоялось знакомство, завершившееся свадьбой.

Избранником грузинки стал барон Александр Мейендорф. Прибалтийский немец по национальности, по матери он был двоюродным братом Петра Столыпина, самого знаменитого премьер-министра России.

Барон, как и его кузен, активно занимался политикой. Был членом двух Государственных Дум и товарищем – то есть заместителем – председателя Четвертой Думы.

Жили супруги в основном в Петербурге.

Внук барона Феликса Мейендорфа со стороны отца и князя Михаила Горчакова, царского наместника в Польше, со стороны матери – муж Бабо был заметной фигурой в политической жизни Российской империи.

О нем часто писали газеты. Особенно много шума наделал вызов на дуэль, который Мейендорф послал князю Львову, будущему главе Временного правительства. Барона оскорбило обвинение князя в том, что он, будучи одним из первых лиц Государственной Думы, проводит агитацию в пользу политической партии октябристов, что на самом деле не соответствовало действительности.

Бабо Мейендорф вела жизнь петербургской графини. На лето они с мужем перебирались в Крым, где в Феодосии у них была дача. По соседству с бароном одно время жил великий Константин Айвазовский, с которым дружил Мейендорф.

После большевистского переворота Мейендорфы переехали в Прибалтику, а затем в Англию. Барон преподавал в Лондонском университете, а баронесса работала над рукописью своих мемуаров, последнюю запись в которой сделала в июле 1934 года.

Бабо Мейендорф умерла в 1946 году. Барон пережил ее на восемнадцать лет и скончался в 1964 году.

Александр Мейендорфу было девяносто четыре года, когда он закончил работу по оформлению брошюры с мемуарами жены. На обложке поместил белый бумажный четырехугольник. На котором с трудом читаемым почерком, наползающими друг на друга буквами от руки написано: «Мемуары баронессы Варвары Мейендорф, урожденной княжны Шарвашидзе».

Перед тем как начать рассказ, хотелось бы определиться с тем, как правильно пишется фамилия главных героев, так как можно встретить две версии – Шарвашидзе и Шервашидзе.

«Правильно писать через букву “а”, – говорит Татули Гвинашвили, правнучка Бабо Шарвашидзе. –